

ВЛАДИМИР ШИГИН

сборник исторических повестей

Короли АБОРДАЖА

Великие флотоводцы мира

Владимир Шигин

**Короли абордажа
(Собрание сочинений)**

«ИП Каланов»

2009

Шигин В. В.

Короли абордажа (Собрание сочинений) / В. В. Шигин — «ИП Каланов», 2009 — (Великие флотоводцы мира)

ISBN 978-5-4444-8211-7

Во все века «свалиться в абордаж» решались только самые опытные и отчаянные флотоводцы, ведь быстрое сближение, сцепка и кровопролитный рукопашный бой стоили каждой из сторон более половины экипажа. Бывало суда, не успев сблизиться, тонули или погибали в огне, а в критический момент – затапливались или подрывались командой. Но, если смертельный риск оправдывался, победа была полной и безусловной. Случалось, успешный абордаж одного флагманского судна решал судьбу целого сражения. В своей новой книге писатель и журналист В. Шигин рассказывает о самых удачливых и прославленных королях абордажа – от Античности до Нового времени. Среди них Фемистокл и Агриппа, Андре Дориа и Дон Жуан, Жан Барт и Поль Джонс.

ISBN 978-5-4444-8211-7

© Шигин В. В., 2009

© ИП Каланов, 2009

Содержание

Герой Саламина	6
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Владимир Шигин

Короли абордажа

© Владимир Шигин

Герой Саламина

Жизнь подходила к концу. Старика уже не радовали восходы и закаты, а бессонные ночи казались бесконечными. Все происходящее рядом давно потеряло для него свой смысл, а в душе оставались лишь воспоминания о былом.

Но именно теперь, когда казалось, что все самое главное в жизни уже минуло безвозвратно, волею рока старик был внезапно поставлен перед страшным выбором: возглавить нашествие на собственное Отечество или, набравшись мужества, самому положить конец своему брэнному существованию. Старик был эллином, а потому избрал второе. На последний пир он собрал друзей и врагов, как тайных, так и явных. Он лично заколол черного жертвенного быка. Сладкий дым – богам, жареное мясо – людям. Гости, шумно гомоня, разлеглись у обильных столов. Когда все смолкли, старик наполнил до краев чашу вином.

– Друзья мои! – сказал он. – Пришел час, когда я должен проститься с вами. Я сам назначил его себе! Ибо не могу вернуться домой захватчиком! А потому прощайте и возрадуйтесь за меня!

После чего залпом опустошил свою чашу. Ноги старика тотчас подкосились, и он замертво рухнул прямо на заставленный яствами стол.

– Фемистокл мертв! – повскакивали пораженные происшедшим гости. – Он велик даже в своей смерти!

Это случилось весной 459 года до новой эры, в дни, когда на родине умершего в Афинах уже всюду цвели оливки.

Плутарх так описал смерть великого героя: «Когда восставший, при содействии афинян, Египет, продвинувшиеся до Кипра и Киликии эллинские триеры и господствующий на море кимон побудили царя (персов. – *В.Ш.*) вступить в борьбу с эллинами, дабы помешать им еще более усилиться для борьбы против него, тогда уже пришлось и двинуть войска и рассылать военачальников, а к Фемистоклу в Магнесию начали являться посланцы с царским повелением заняться эллинскими делами... Но Фемистокл не хотел вести войну... более всего от стыда, пробужденного в нем воспоминаниями о славе своих подвигов и о былых трофеях, он пришел к наилучшему решению – завершить свою жизнь достойным концом. Принеся жертву богам, созвав друзей и простившись с ними, Фемистокл, как гласит о том общая молва, выпил бычьей крови, по мнению же некоторых, принял быстродействующий яд и скончался в Магнесии, прожив 65 лет, из которых большую часть провел за государственными делами и в руководстве на войне. А царь, узнав о причине и роде его смерти, еще более дивился этому человеку...»

Таков был конец великого героя, но ведь этому предшествовала долгая по тому времени жизнь и подвиги, о которых и сегодня помнит человечество.

Сохранились сведения, что отец Фемистокла Неокл вел в Афинах весьма скромный образ жизни, а мать была родом из небольшого городка Галинарасса. С детских лет Фемистокл был полон страстных порывов, желания быть первым всегда и во всем. Даже в часы досуга он, как правило, не играл с остальными детьми, а сочинял торжественные речи в защиту своих товарищей перед учителями. Философ Анасагор, отличая маленького Фемистокла, говорил:

– Из этого юнца вырастет либо великий гений, либо великий злодей, но ничтожеством он не станет никогда!

Фемистокл

Мальчик откровенно мечтал о власти, и отец, боясь за его будущее, взял его однажды с собой в порт. Показав на брошенные без призора на берегу старые триеры, он сказал ему:

– Вот так народ относится к деятелям, которые становятся ему не нужны!

Мальчик меж тем внимательно рассматривал мертвые остовы.

– Какое преступление столь небрежно относиться к тому, что может принести богатство и славу! – сказал он изумленному отцу.

Не менее глубоким было и его высказывание в момент победной эйфории от известия итогов Марафонского сражения. В то время, когда все радовались одержанной победе и кричали, что Марафон – это конец всем нашествиям на Элладу, маленький Фемистокл лишь печально говорил всем:

– Это не конец нашим бедам, а лишь начало долгой борьбы, и главные сражения все еще впереди!

Как и все молодые афиняне, Фемистокл знакомится с азами морского дела, но неудовлетворенный общими сведениями, он изучает основы мореплавания самостоятельно, а изу-

чивши, делает свой собственный вывод, который повергает издавших виды мужей в полное изумление:

– Будущее Афин только на морях и только в будущем морском могуществе! Нам нужен огромный и сильный флот, и мы обязаны его создать!

– Но где взять на все это денег? – спросили его на очередном собрании граждан.

Но Фемистокла заставить врасплох было не так-то легко.

– Мы делим между собой доход от Лаврийских серебряных рудников. Откажемся от дележа, а на серебро выстроим себе сотни и сотни триер! Будет у нас торговый флот, будут и деньги! От врагов же нас спасут не каменные стены города, а деревянные борты наших триер! – ответил он озадаченным отцам города.

Мнения граждан разделились. Одни горячо поддерживали своего молодого соотечественника, другие, наоборот, ругали его, как самонадеянного выскочку и болтуна. И все же в конце концов большинство проголосовало за смелое предложение юного Фемистокла. Итак, первый шаг к созданию будущей великой морской державы был сделан, ведь на серебро с рудников можно было уже в короткие сроки построить около сотни триер. Казалось, что этого уже вполне достаточно для будущего благоденствия Афин. Но Фемистокл и не думал останавливаться на достигнутом.

– Мы сделали лишь первый робкий шаг к своему господству над морями! – неустанно внушал он недоверчивым горожанам. – Будет непростительной ошибкой, если мы остановимся сейчас на полпути! Пойдемте же дальше!

Из записок Ксенофонта: «С того времени, мало-помалу, завлекая и толкая сограждан в сторону моря, он доказывал, что на суше им не справиться даже с соседями, с помощью же морских сил они могут отразить варваров и стать затем во главе Эллады. Таким образом, Фемистокл превратил афинян из стойких гоплитов... в корабельщиков и мореходов. Злоречивые же языки говорили, что, вырвав, таким образом, из рук сограждан копье и щит, Фемистокл приковал народ к корабельным скамьям и веслам».

А Фемистоклу и этого было мало. Авторитет молодого политика стремительно рос, а вместе с ним множились и его планы. Теперь ему было уже мало лишь простого увеличения числа строящихся кораблей.

– Сборище триер, пусть даже самое огромное – это все равно лишь сборище, но не флот! – говорил он теперь при каждом удобном случае во всеуслышание. – Теперь надо создавать настоящий боевой флот!

В скором времени как-то само собой, несмотря на свою молодость, энергичный и честолюбивый Фемистокл встал во главе строящегося афинского флота. И хотя официально такой должности в городе не существовало, для граждан его предводительство над всеми судами стало чем-то самым собой разумеющимся.

Перво-наперво Фемистокл выкрал секреты строительства лучших в то время самосских корабельных мастеров, не пожалев для этого золота. Тогда же Фемистокл самолично съездил в Коринф и за огромные деньги пригласил в Афины тамошнего корабельного мастера Аминокла, которого историческая наука считает изобретателем легких и быстроходных боевых триер.

Вскоре на афинских верфях началась массовая постройка знаменитых самосских самен – судов с обрубленными носами в виде свиного рыла, пузатых и глубокосидящих. Такие суда были быстроходны и поднимали большие грузы.

– Вот, – сказал согражданам Фемистокл, – когда в Пирейской бухте закачались на пологих волнах первые десятки пузатых самен. – Я даю вам готовый торговый флот. Грузите товары и обогащайтесь! Я же теперь займусь созданием флота военного! Каждый состав городского совета должен для начала оставлять после своего правления двадцать новых триер! Только так мы сможем защитить свою морскую торговлю!

Нельзя сказать, что все у Фемистокла шло так гладко, как ему хотелось бы. Врагов и недоброжелателей у него хватало всегда с избытком. Это хорошо видно даже из жизнеописания нашего героя, составленного Плутархом. Афиняне всю пользовались трудами своего энергичного «адмирала», но признавать за ним вполне очевидные заслуги отнюдь не спешили. Воистину, нет пророка в своем отечестве! Обвинения же против Фемистокла выдвигались порой до смешного мелочные.

– Ты не умеешь настраивать лиру и играть на арфе, а это непременная черта всех истинно образованных людей! – бросали ему упреки в лицо.

– Да, я не умею этого делать, – невозмутимо отвечал флотоводец. – Но наш город, который еще недавно был слабым и никому не известным, я делаю великим и могущественным! А на арфах пусть поиграет кто-нибудь из вас, я ж буду лучше слушать!

Каждый год с ранней весны и до поздней осени Фемистокл проводил все свое время в порту и в море. Уж кто-кто, а он понимал, что невозможно создать настоящий боевой флот, не познав всех тонкостей морского дела. Первые плавания и первые боевые столкновения с пиратами научили Фемистокла очень многому. Не гнушался афинский флотоводец и бесед со стариками кормщиками со всех уголков Средиземноморья. Особенно дотошно допытывал он всегда финикийцев – лучших моряков того времени. На презрительные ж насмешки своих сограждан отвечал:

– Не с варварами я пью дружеское вино, а с самыми просвещенными из всех мореходов!

На берегу Пирейской бухты были выстроены обширные мастерские, закуплены искусные рабы-плотники. Во главе строительства был поставлен мастер Аминокл, которому Фемистокл всецело доверял и поддерживал повсеместно. Масштабы и темпы кораблестроительных работ были беспрецедентны! В одной мастерской изготовлялись мачты и кили, в другой – весла, в третьей, палуба и обшивные доски. Такого судостроительная практика того времени еще не знала! Фемистокл начал первым стандартизировать кораблестроение, ибо все его суда были совершенно одинаковыми и собирать их он мог за несколько дней! Кроме этого любые боевые повреждения могли быть исправлены в самые кратчайшие сроки. Для этого все заготовки делались с большим запасом наперед, а затем тщательно хранилось. Это было настоящей технической революцией в древнем судостроении! Уже одного этого было бы достаточно, чтобы имя Фемистокла вошло в анналы мировой истории.

Но Фемистокл смотрел дальше в будущее. Поняв, что обычная трехрядная галера-пентекотера уже давно исчерпала свои мореходные и боевые возможности, он немедленно занялся поисками нового эффективного типа боевого корабля.

– Если мы хотим быть настоящими хозяевами моря, мы должны увеличить скорость хода и маневренность, оставив прежними общие размеры! – не раз втолковывал он своим друзьям-единомышленникам.

– Но как это сделать? – вопрошали те.

– Этого, увы, я сам пока не знаю! – отвечал им Фемистокл. – Но решение я все же найду!

И он сдержал свое слово. Решение проблемы пришло, как это часто бывает, совершенно случайно. Ответ на нее подсказали... пираты. Их изобретение было до гениальности просто: вдоль каждого борта на уровне планширя с внешней стороны они устанавливали выносной брус с ключинами, отстоявшими от борта на метр и называемым аутригером. Аутригеры позволяли уменьшить размеры триер, увеличив их скорость и маневренность. Теперь афинский флот стал пополняться исключительно «фемистокловыми триерами» – лучшими боевыми кораблями той эпохи, мастерски изготавливаемых искуснейшим Аминоклом. Тайна постройки триер хранилась по приказу Фемистокла в строжайшей тайне. Причалы с боевыми судами прикрывались заборами и навесами. На зиму триеры затаскивали в крытые ангары. Пройти в военный порт мог тоже далеко не каждый даже из афинских граждан. Охрана верфи насчитывала, без малого, полтысячи воинов, имевших самые строгие инструкции.

Решив вопрос с кораблями, афинский флотоводец вплотную занялся подготовкой их экипажей. Здесь проблем тоже хватало. Раньше повсеместно гребцами на триеры брали только рабов. Слов нет, гребля – работа не из легких. Да и рабы обходились куда дешевле, работая лишь за еду. Но на рабов в случае войны надежды было мало, зачастую они не только отказывались грести в самый ответственный момент, но при первом удобном случае переходили на сторону врага. А потому Фемистокл решил привлечь для гребли на галерах афинскую молодежь. Это новшество Фемистокла было встречено первоначально с негодованием почти всеми.

– Мы не гребцы, мы воины! – кричали оскорбленные в своих лучших чувствах афинские юноши.

– Прежде всего вы афинские граждане! – увещевал их Фемистокл. – И если сегодня Отечеству нужны именно гребцы, то вы станете именно ими!

Терпеливо, призвав на помощь все свое красноречие, день за днем флотоводец объяснял согражданам причины своего непопулярного решения и в конце концов смог убедить большинство афинян в необходимости послать своих сыновей на триеры.

По замыслу Фемистокла, свободные граждане стали гребцами двух первых верхних рядов весел, так называемых транитов и зигитов. В нижнем ряду, где было наиболее душно и тяжело грести, трудились таламиты, нанимаемые за деньги в соседних городах-полисах. Больше иных туда шли нищие платейцы.

Совсем недавно, несколько лет назад, ученые-историки сделали ошеломляющее открытие. Оказывается, Фемистокл изобрел настоящее «ноу-хау», которое сразу же обеспечило афинскому флоту огромное преимущество перед всеми остальными флотами Средиземноморья.

Все началось с того, что на одно из древнеафинских ваз периода Фемистокла историки обратили внимание на изображение гребцов галеры. Все они были выгравированы в разных позах, которые демонстрировали цикл гребка в различных его стадиях. Однако позы гребцов показались ученым весьма странными, и они решили обратиться к специалистам по гребле. Каково же было всеобщее удивление, когда при изучении рисунков оказалось, что во флоте Фемистокла использовали одно из самых последних достижений академической гребли – специальные салазки, сидя на которых гребцы перемещаются при гребке вперед и назад, распределяя тем самым нагрузку не только на руки, но на спину и ноги. Вместо салазок Фемистокл и его соратники, правда, использовали мешочки, пропитанные оливковым маслом, которые гребцы привязывали к ягодицам. Но принцип был тот же самый. Специалисты считают, что «ноу-хау» Фемистокла сразу же обеспечило увеличение скорости хода в полтора раза, а также возможность гораздо большее время держать максимальную скорость за счет более рационального расходования силы гребцами.

Позднее это изобретение Фемистокла было по каким-то причинам забыто... на целых две тысячи лет, пока в 60-е годы XX века о нем вновь не додумались тренеры гребных спортивных команд.

Думается, что, успешно испытав пропитанные маслом мешочки, Фемистокл сделал все возможное, чтобы эта техническая новинка как можно дольше оставалась в секрете. Возможно, что секретность и явилось основной причиной, что некоторое время спустя новая техника гребли была «забыта» и утрачена на долгие тысячи лет...

В корне изменил Фемистокл и саму организацию флота. Раньше, до него, суда строили самостоятельно сорок восемь округов-навкрариев. Каждый навкрарий строил и содержал одно судно. Фемистокл положил этому конец. Отныне забота о флоте возлагалась на правительство Афин – совет Пятиста.

Теперь ежегодно в море из Пирея выходили в море на триерах до трети всей молодежи. И результаты не заставили себя ждать. Прошло всего несколько лет, и не стало в Элладе более сильного и боеспособного флота, чем афинский. Замолчали сами собой и недруги Фемистокла.

Морская торговля так же быстро поставила Афины во главу всего средиземноморского купечества. Богател город, богатели и горожане. Теперь Афины уже на равных говорили с самой Спартой.

А незадолго до персидского нашествия Фемистокл одержал важную политическую победу, которая упрочила его и без того достаточно высокое положение в городе. Его главный многолетний недруг и соперник Аристид был не без участия самого Фемистокла подвергнут остракизму. Афинские граждане на глиняных черепках – остраконах – начертали его имя, желая, чтобы Аристид покинул Афины на десять лет.

Меж тем над Элладой сгушались тучи неотвратимого иноземного нашествия. Молодой и честолюбивый персидский царь Ксеркс желал смыть позор своего отца Дария от поражения при Марафоне и поставить, наконец, непокорных греков на колени. В великий завоевательный поход поднялись все подвластные Ксерксу земли, «дабы не умалить царского сана предков и совершить не меньшие, чем они, деяния на благо персидской державы». Помимо великой многоплеменной армии был собран и великий флот в тысячу двести галер с тремя тысячами «30-весельных, 50-весельных кораблей, легких судов и длинных грузовых судов для перевозки лошадей».

Для облегчения движения своих бесчисленных войск Ксеркс выстроил мост через Дарданеллы, а, облегчая движение флота, велел прорыть канал у мыса Акте.

Весной 481 года до новой эры армия Ксеркса двинулась в поход. Возле города Абидоса, что стоял на берегу Геллеспонта на большой равнине, Ксеркс сделал смотр своим войскам. Сидя на мраморном троне, он с удовольствием глядел на проходящее мимо него неисчислимое многоплеменное войско: персы и ассирийцы, бактрийцы и арабы, эфиопы и индийцы, саки и ливийцы, фракийцы и согдийцы и многие иные. Неподалеку от берега флот разыграл перед царем учебное сражение, в котором, конечно же, победили персы.

Персидский флот был фантастически огромен. Всего, согласно сообщению Геродота, в нем насчитывалось 1207 различных кораблей и судов, экипажи которых составляли более пятисот тысяч человек. Кроме этого еще сто двадцать кораблей выставили подвластные Ксерксу эллины из Фракии и с островов у Фракийского побережья. При этом он был весьма разнороден и разноязычен, наспех собран и плохо сплаван, а что еще более важно – слабо организован.

Разумеется, сегодня можно усомниться в подлинности цифр Геродота. Уж больно они не реальны для того давнего времени. Однако слова Геродота подтверждает и древнегреческий поэт Эсхил в своей поэме «Персы»:

*У Ксеркса же (я знаю) было там судов
Больших до тысячи, а тех, что быстротой
Кичились, двести семь. Так сосчитали их...*

О деятельности Фемистокла в начальный период персидского наступления достаточно подробно сказал Плутарх: «Когда перс уже шел к морю для похода на Элладу, а афиняне совещались, кого бы избрать стратегом, все, говорят, добровольно отказались стать во главе войск, утраченные опасностью. Домогался же этой власти Эпикид, сын Евфемиды, – демагог, сильный на словах, но слабый духом и падкий на деньги. У него были шансы получить большинство голосов, но Фемистокл, опасаясь, что дело будет вконец испорчено, если власть попадет в руки Эпикиды, за деньги купил его честолюбие. Хвалят и расправу его с переводчиком, говорившим по-персидски, и по-элински, и приехавшим с посольством, которое прибыло от царя с требованием земли и воды: так как он осмелился эллинскую речь предоставить к услугам варваров, Фемистокл велел схватить его и, добившись соответствующего народного постановления, казнил его смертью. Одобрение вызвал и случай с зелейцем Арфмием. По предложению,

внесенному в народное собрание Фемистоклом, последний, а с ним и дети его, и потомки были лишены всех прав за то лишь, что он привез эллинам золото мидян. Главнейшая же заслуга Фемистокла в том, что он добился прекращения войн в самой Элладе и примирил друг с другом города, убедив их оставить распри для совместной подготовки к войне... Приняв власть, он тотчас сделал попытку посадить граждан на триеры и убеждал их оставить город с тем, чтобы встретить варваров на море, как можно дальше от Эллады. Но так как большинство этому сопротивлялось, то он повел большое войско к Темпейской долине вместе с лакедемонянами, шедшими с намерением сразиться там же для защиты Фессалии: они не думали еще тогда, что последняя тяготеет к персам. Но после того как войско, ничего не сделав, отступило, и, вслед за переходом на сторону царя фессалийцев, перешли на сторону персов и все земли до самых границ Беотии, афиняне стали уже охотнее слушать то, что говорил Фемистокл относительно моря, – и вот, его шлют с флотом к Артемисию для охраны пролива. Здесь-то и произошло следующее: в то время как эллины требовали, чтобы во главе их стали Еврибиад и лакедемоняне, афиняне же, превосходившие числом судов всех прочих участников, вместе взятых, считали недостойным для себя подчиняться другим, Фемистокл, хорошо поняв опасность, сам уступил власть Еврибиаду, а афинян успокоил обещанием, что, если они покажут себя доблестными мужами на войне, он убедит эллинов, и последние добровольно предоставят им первенство на будущее время. Надо полагать, что этот именно поступок сделал Фемистокла главным виновником спасения Эллады и лицом, наиболее способствовавшим славе афинян, ибо они превзошли врагов мужеством, а союзников – благоразумием».

Тем временем, покинув город Ферму, персидский флот уже двинулся вдоль берега параллельно движению идущей в Грецию армии. Однако плыл он очень медленно. Отсутствие сведений о греках и плохое знание здешних вод заставили персов, в конце концов, остановиться и выслать вперед отряд, составленный из самых быстроходных кораблей под началом самого боевого предводителя. Десять кораблей правителя Кимы в Эолиде сына Фамасия Сандока поспешили вперед.

Когда-то Сандок, исполняя должность царского судьи, был подкуплен и вынес несправедливое решение. За это Ксеркс приговорил его к распятию, но затем помиловал. И вот теперь Сандоку предстояло оправдать милость своего властителя.

У острова Скиаф Сандок обнаружил три греческих триеры, стоявшие в передовом дозоре: трезенскую, эгинскую и афинскую. Завидев персов, греки в усиленной гребле помчались вспять.

– Они видели нас и знают теперь, что наш флот близок, а потому ни один из них не должен уйти и разнести всем нашу тайну! – объявил Сандок. – Мы должны изловить всех трех!

Сандок был неплохим мореходом. Умело сманеврировав, он отрезал немного отставшие трезенскую и эгинскую триеры, а затем после ожесточенной резни на палубах захватил обе.

Особенно ожесточенно сопротивлялся эгинский корабль под началом кормчего Асониды. Особенно храбро дрался воин Пифей, сын Исхеноя. Даже когда вся триера была уже захвачена, он продолжал биться в одиночестве и полностью окруженный, пока не был изранен и не упал. Мужество всегда вызывает уважение у достойного противника, а потому Пифея не добились, а наоборот, выходили и отправили в ставку Ксеркса, чтобы тот посмотрел на храброго грека. Остальных пленников согнали в кучу. Оглядев их, Сандок ткнул самого статного в грудь:

– Как тебя зовут?

– Леонт! – ответил пленник.

– Что значит твое имя?

– Лев!

– Ты нам подходишь! – ухмыльнулся победитель и повернулся к своему помощнику Аридолису. – Этот!

Несчастливого тут же потащили в нос персидского корабля, где возвышалась статуя злого бога Ваала, и там быстро закололи, принеся в жертву будущим победам. Остальных греков тут же обратили в рабов.

Меж тем несколько быстроходных персидских кораблей продолжали преследование последней афинской триеры. Начальствующий над ней афинянин Форм сколько мог уворачивался от преследователей, а когда это стало уже невозможно и персы замкнули кольцо окружения, он выбросил корабль на отмель и со всей командой скрылся на берегу. Торопясь, он добрался до мыса Артемисий, что в северной оконечности острова Эвбея, где собирался союзный греческий флот.

– Персидский флот уже миновал Скиаф! – сообщил Фемистоклу измученный дорогой кормчий. – Но я потерял в бою свою триеру!

– Такая новость стоит больше чем триера! – обнял Форм флотоводец. – Проси меня, о чем пожелаешь!

– Я прошу тебя дать мне и моей команде новую триеру и клянусь, что обязательно отобью у персов свой корабль!

– Просьбу твою исполнить легко! Ступай!

В тот же день на совете стратигов Фемистокл объявил:

– У меня хорошая новость! Персидский флот уже вплотную подошел к нашим берегам! Пора и нам изготавиться к достойной встрече!

Но стратиги были настроены иначе.

– Разве можем мы противостоять столь огромной силе! – кричали они Фемистоклу. – Пора уходить из этих вод!

Все попытки афинского флотоводца переубедить оробевших успеха не имели. Более всех ратовал за отход избранный верховным навархом Еврибиад.

– Я имею сведения, что персы плывут на нас тысячьо кораблей, а еще двести пошли к нам в обход! – говорил он на совещании навархов. – А потому надо как можно скорее отходить во внутренние воды Эллады ближе к Пелопоннесу и сухопутному войску!

Греческий флот спешно снялся с якоря и отошел назад к мысу Халкида в южной части Эвбеи. Дальнейшему отходу воспротивился Фемистокл.

Афинскому наварху было в этот момент не легко. Помимо того, что ему приходилось все время вести переговоры и уговаривать не оставлять занимаемых позиций почти каждого из предводителей союзных корабельных отрядов, внезапно выявился противник его решений и в собственном афинском флоте. То был триерарх священной триеры Архител. Не торопясь схватиться с весьма влиятельным капитаном в споре, Фемистокл подспудно выяснил истинную причину недовольства триерарха. Как оказалось, Архител торопился отплыть от Артемисия лишь потому, что не имел средств для расплаты со своей командой. Предприимчивый Фемистокл тут же извлек выгоду из полученной информации. Через своих людей он нашел способ еще более озлобить подчиненных Архитела. И те, будучи голодными, в тот же вечер толпой набросились на своего триерарха и отняли у него ужин. Теперь, когда Архител от понесенного унижения окончательно пал духом, Фемистокл отправил ему от себя огромную корзину хлеба и мяса, а на дно положил и талант серебра. На словах же велел передать:

– Я желаю тебе приятного ужина, но на следующий день позаботься и о своих людях, в противном случае я обвиню тебя перед гражданами в том, что серебро в корзине получено тобою от врагов!

Разумеется, униженный и запуганный Архител тотчас внял совету наварха и уже на ближайшем совещании громко держал его сторону.

Меж тем передовой отряд Сандока из Кимы, усиленный уже до трех десятков кораблей, обследовал пролив, отделяющий остров Скиаф от материка. Некто Паммон из Скироса за хорошие деньги показал Сандоку опасную подводную скалу, лежащую как раз посреди про-

лива. Сандок тут же распорядился навезти на скалу камней и соорудить хорошо видимый знак. Только тогда он отправил корабль к главным силам, что воды у острова Скиаф обследованы, а греческие корабли, бывшие здесь, уничтожены. Персидский флот снялся с якорей и медленно двинулся вперед. Вскоре он достиг мыса Сепиада в Магнесийской области у города Касфанея. Здесь решено было устроить новую стоянку. Первые ряды кораблей бросили свои якоря-камни у самого берега, другие за ними немного мористее. Берег был узок, а потому скученность стоявших была огромной. Первая ночь стоянки прошла тихо. Зато на рассвете второго дня при совершенно ясном небе внезапно задул сильный восточный ветер, который местные жители, боясь за силу, уважительно именовали геллеспонтийским. Поднялись волны, и спустя какой-то час на море уже бушевал жесточайший шторм. Все, кто понял вовремя о грозящей опасности и имел возможность пробиться к берегу, успели вытащить свои корабли на сушу. Но место там нашлось далеко не для всех. Остальных ветер и волны расшвыряли едва ли не на сотню миль. Трое суток бушевала стихия. Что только не предпринимали персы. Они читали священные заклинания и совершали ритуальные обряды, приносили человеческие жертвы ветрам и своим богам, когда же это не помогло, стали приносить еще более обильные жертвы богам греческим и nereидам, пытаясь таким образом переманить их на свою сторону, но все это помогало мало. Множество кораблей было выброшено на берег, немало и просто затонуло. Всего в течение страшного трехдневного урагана персы потеряли более четырехсот кораблей. Погибших людей никто никогда и не пытался подсчитать. Урон Ксерксу был нанесен весьма серьезный. Однако погибла все же малая часть огромного флота, и персидские морские силы были по-прежнему огромны и сильны.

Греков страшный шторм почти не задел. Предугадав по ряду характерных местных признаков его приближение, они успели укрыться в окрестных бухтах. Впрочем, сохранилось предание, что бога ветра Борей вызвали сами афиняне. Увидев же его приближение, они под руководством Фемистокла принесли ему обильные жертвы и попросили разгромить варваров, что Борей с превеликим удовольствием и сделал.

Тем временем огромная персидская армия медленно подошла к Фермопилам, где их давно поджидал маленький передовой отряд царя Леонида, которому предстояло как можно дольше задержать на этом рубеже врага, дав время собраться и подготовиться к отпору основному войску. Флот персов шел рядом с армией вдоль берега, высаживая десанты и уничтожая прибрежные селения.

Когда стража, несшая дозоры на вершинах эвбейских гор, известила греческий флот о постигшем персов несчастье, там началось настоящее веселье, словно после одержанной победы. По предложению тут же закололи нескольких быков в честь Посейдона.

– Вот видите, что не все так уж и плохо! Небо и боги нам помогают! А потому не станем их гневить и поплывем пока не поздно обратно к Артемисию! – не теряя времени даром, делал свое дело Фемистокл.

На этот раз уговорить стратигов вернуться к месту старой передовой стоянки оказалось не слишком сложно. Все пребывали в полнейшей эйфории.

– После таких потерь персам уже не подняться! Нам осталось теперь не драться, а добивать, так пойдем и добьем! – торопились все.

Уверенности прибавляло не только известие о почти полном уничтожении неприятельского флота, но и значительное пополнение собственного. За время стоянки у Халкиды союзный флот значительно увеличился. Грекам удалось собрать воедино немалые морские силы, хотя, в сравнении с персидской армадой, даже объединенный флот греческих полисов выглядел все равно довольно слабым. Афиняне выставили в общий строй сто двадцать семь кораблей, укомплектовав их как гражданами Афин, так и платейцами. Коринф выделил от себя четыре десятка триер, жители Мегары два. Халкидяне, у которых своих кораблей не было, прислали экипажи на двадцать афинских триер. Эгида дала восемнадцать боевых кораблей.

Дюжину триер прислал маленький Сикион, десяток лакедемоняне. По несколько кораблей (все, что могли!) отдали Эпидавр и Эритрия, Трезен и Стирея, Кеос и опунтские Локры. Почти три сотни боевых триер были собраны у мыса Артемисия у острова Эвбея. Еще более значительные морские силы спешно собирались сейчас по всей Аттике, но подойти они могли гораздо позднее. Их просто не успевали снарядить и укомплектовать, подготовить и снабдить.

Однако при всем единодушии в необходимости защиты Отечества среди союзников сразу же выявились серьезные разногласия. Несмотря на то что афиняне, по существу, составили ядро союзного флота, подчиняться им никто не желал. Давняя неприязнь к заносчивости и богатству Афин проявилась в этот момент, как никогда. Но деваться некуда, и афинянам пришлось уступить.

Во главе объединенных морских сил Греции был поставлен избранный большинством голосов спартанский стратег Еврибиад, сын Евриклида. Он не блистал особыми талантами, не слишком был сведущ и в морском деле, но устраивал представителей полисов тем, что не был столь амбициозен и требователен, как Фемистокл, а стремился все споры завершить миром и компромиссом. Пока это устраивало почти всех. Лучший же флотоводец всей Греции в столь решающий момент оказался практически не у дел. К чести Фемистокла, свое непризнание он воспринял стоически.

– Я готов быть полезным Отечеству в любом деле! – заявил он, смиренно выслушав известие о своем неизбрании на пост командующего. – Я готов вести в бой триеру и сесть гребцом на самое малое судно. Сегодня Родина в опасности, а потому каждый должен за нее сражаться, где ему укажут.

Как всегда в тяжкую годину, греки обратились за прорицанием к Дельфийскому оракулу. Ответ из Дельф пришел почти одновременно с известием о гибели персов в штормовых волнах. Он был таков: «Молитесь ветрам! Боги ветров – ваши могучие союзники!»

Эти слова особенно порадовали Фемистокла.

– Вот видите! – говорил он тем, кто еще в чем-то сомневался и озирался. – Даже оракул предвещает нам победу над врагами!

– А при чем здесь ветер? – спрашивали его недоверчивые.

– Ветер уже уничтожил часть персидского флота. Он же поможет уничтожить нам и остальное! – тут же разъяснил флотоводец. – Вперед на Артемисий!

– Вперед на Артемисий! – призывали своих гребцов кормчие триер.

– Вперед на Артемисий! – выкрикивали гребцы, налегая на весла.

Но на душе Фемистокла конечно же было беспокойно. Флот, созданию которого он отдал столько сил и лет, попал в руки довольно случайного и робкого человека, а он, готовящийся всю свою жизнь к достойной встрече захватчиков на море, оказался сейчас никому не нужным.

Спустя несколько дней с начала похода с передовых триер Еврибиаду доложили, что ими усмотрен персидский флот, стоявший на якорях под берегом у мыса Афет. Мачт было столь много, что казалось, они покрыли частоколом все море. Еврибиад занервничал, не зная, что ему предпринять дальше. Обнаруженный боеготовый персидский флот оказался для всех большой неожиданностью. Как оказалось, слухи о гибели персидского флота оказались более чем преувеличенными. Раздосадованы наравне с Еврибиадом были и другие греческие флотоводцы. Вновь начали искоса поглядывать на Фемистокла, явившегося инициатором возвращения к Артемисию. Никто толком не знал, что же теперь делать. Атаковать огромный персидский флот было чистым безумием, бежать тоже, оставалось ждать, но чего? Греки оказались в ловушке, которую сами для себя и создали. На бесцельно качавшихся триерах царило уныние и подавленность.

Триерархи на собранном совете высказались за немедленный уход.

– Но ведь это будет равносильно бегству! Сколько раз мы еще будем метаться к Артемисию и обратно! – возмутился, было, Фемистокл. – Как можно позволить себе такое, когда царь Леонид готовится принять смертный бой со всеми персидскими полчищами в Фермопилах?

– А разве будет лучше, что все мы здесь бессмысленно погибнем и погубим флот? – ответили ему вопросом на вопрос.

Жители Эвбеи просили Еврибиада не уходить сразу, а подождать хотя бы немного, пока они переправят семьи в глубь страны. Еврибиад лишь пожал плечами:

– На все воля Зевса! А я ничем помочь не могу!

Тогда вконец испуганные эвбейцы бросились к Фемистоклу:

– Ты наша последняя надежда! Спаси наши семьи! Спаси наших детей!

Многим позднее Геродот напишет, что островитяне вместе с просьбой преподнесли флотоводцу огромную по тем временам взятку, тридцать талантов серебра. Но так ли это было на самом деле, не знает в точности никто. Как бы там ни было, но Фемистокл, используя весь свой огромный авторитет и влияние, добился решения о даче персам морского сражения у Эвбеи. И здесь, согласно Геродоту, не обошлось без интриги: «Фемистокл отдал из своих денег пять талантов Еврибиаду, сказав, что вручает свои личные деньги. Уговорив Еврибиада, афинянин был почти у цели, так как из прочих только коринфский военачальник Адимант не собирался оставаться у Артемисия. К нему-то и обратился Фемистокл, клятвенно заверяя:

– Если ты не бросишь нас на произвол судьбы, то я обещаю тебе больше подарков, чем ты можешь получить от мидийского царя за измену союзникам!

После этого он прислал Адиманту три таланта серебра. Так хитрый Фемистокл оказал услугу эвбейцам и, утаив оставшиеся деньги, сам не остался в накладе. Те же, кто брал денежные подарки, полагали, что их прислали из Афин».

Возвращение греков к Артемисию стало неожиданностью и для персов. Не зная об этом, начальник авангарда Сандок с пятнадцатью своими кораблями, заметив корабли эллинов, решил, что это свои и не боясь сблизился с ними. Каков же был его ужас, когда на мачтах триер он увидел флаги с пучеглазой совой – символ Афин. Все пятнадцать кораблей были немедленно окружены и пленены. Сам Сандок, храбро защищаясь, был убит. В плен попал его помощник Аридолис, тиран Алабанд, а также убитый горем Пенфил с Пафоса. Дело в том, что Пенфил привел к Ксерксу двенадцать кораблей. Одиннадцать были потоплены во время шторма, и вот теперь на последнем он и сам попал в руки греков. Захваченные корабли немедленно были включены в состав союзного флота, а пленников в оковах отправили в Коринф.

Тем временем персидский флот, сосредоточившись у Афет, наконец тоже обнаружил греков. Однако сразу нападать персы сочли неразумным. Время уже перевалило за полдень, и атаковать эллинов можно было лишь ближе к темноте, а это позволяло последним скрыться. Поэтому немедленно был принят совершенно иной план. Две сотни кораблей, отделившись от главных сил, отправились за островок Скиаф. Обогнув его, они прошли незамеченными мимо греческих триер и сосредоточились у мыса Каферия в южной оконечности Эвбеи. Предполагалось, что в тот момент, когда главные силы ударят на греков с фронта, южный отряд атакует неприятеля с тыла и тем самым довершит разгром. Слов нет, план был прекрасен, если бы не одно маленькое «но», которым так богаты войны всех времен. На персидских кораблях объявляли обещание Ксеркса, что каждый захвативший аттическую триеру получит из его рук богатый царский подарок.

Маленьким же «но» стал ныряльщик за морскими губками грек Скиллий из маленького приморского городка Сикиона. Скиллий был личностью для своего времени легендарной и по праву считался лучшим из ныряльщиков. Говорили, что он может нырнуть в одном конце Средиземного моря, а вынырнуть в другом. Многие твердо верили, что он водит дружбу с самим Посейдоном и, ныряя, отправляется к нему в гости. Буквально несколько дней назад он оказал огромную помощь персам. Ныряя, Скиллий поднял со дна много драгоценностей

с потопленных во время шторма кораблей. Но ныряльщик не только нырял, а внимательно слушал и все разговоры вокруг. Когда же ему стало известно о плане нападения персов на греческий флот, то Скиллий ни минуты не раздумывая бежал на лодке к грекам и все сообщил Фемистоклу.

Немедленно собрали военный совет, на котором решено было, не привлекая внимания персов, оставаться на старом месте, а как стемнеет, двинуться навстречу отряду, который должен атаковать с тыла. Однако, наблюдая за персами, Фемистокл обнаружил, что их главные силы совершенно не готовы к скорой атаке, а потому он, правда, не без некоторого труда, убедил Еврибиада в том, что лучше нанести внезапный удар по главным силам персов.

– Но ведь мы на совещании решили сделать все по-другому? – слабо сопротивлялся Еврибиад.

– Больше совещаться уже нет времени! Вы наш предводитель, и вы должны решиться!

– Хорошо, я согласен! – вздохнул Еврибиад. – Будем действовать по твоему плану, но запомни, что в случае поражения виновным станешь ты!

– Хорошо, – усмехнулся Фемистокл, – зато в случае нашей победы победителем будешь ты!

По команде с флагманской триеры греческий флот двинулся вперед. Персы, увидев приближающихся к ним эллинов, пришли в недоумение.

– Эти греки лишились остатка рассудка! Нападать на нас со столь ничтожными силами – все равно что идти с палкой против льва!

Заревели трубы, и персы начали огибать эллинов с двух сторон. Медленнее иных двигался отряд греков-ионян, против их воли включенных в состав персидского флота и не желавших драться со своими братьями. Зато на других кораблях царило воодушевление. Каждый мечтал пленить триеру и получить богатый царский подарок.

Внезапно для персов эллины разом развернули форштевни своих триер к врагу, а кормы сдвинули вместе. Теперь перед ошарашенными персами был единый, оцетинившийся таранами бастион, к которому было практически невозможно подступить.

– Разбейте их! Оттесните хотя бы одного! Ищите щель в рядах! – неслось с персидских кораблей. Огибая греков с двух сторон, две колонны персов сошлись на контркурсах. Чтобы случайно не протаранить друг друга, им пришлось отворачивать в разные стороны. Возникла неразбериха. Этим и воспользовались греки.

– Нам пора вперед! – воскликнул Фемистокл.

– Но что скажет Еврибиад? – спросили его...

– Он все знает и одобряет, а если чего еще не знает, то узнает совсем скоро!

– На весла! – закричали кормчие афинских триер. – Навались!

Отбивая ритм, ударили барабаны. Афинские корабли понеслись вперед. За ними коринфские, мегарские и остальные. Мощными гребками греки разогнали свои триеры, и те с полного хода таранили невольно подставившие им борт корабли. Хорошая цель нашлась почти для каждого! В этот момент на сторону греков перешел с небольшим отрядом своих кораблей Антидор с Лемноса. И хотя на общий расклад сил его переход никак не влиял, моральный эффект этого шага был огромен. Перебежчиков приветствовали громкими криками восторга. Уже спустя каких-то полчаса сражение превратилось в самую настоящую свалку, где каждый сражается за себя, не забывая, однако, при случае помочь и терпящему рядом бедствие товарищу.

Персы дрались ожесточенно. Постепенно они пришли в себя, и большое численное превосходство через какое-то время стало давать себя знать. Но греки и не собирались драться до конца. И Фемистокл, и Еврибиад прекрасно понимали, что чем больше затянется сражение, тем сильнее будут у них потери. Тем более что стущавшие сумерки также препятствовали погоне за греческими триерами. А потому, когда персы начали что-то предпринимать,

вновь заиграли флейты, и греческие триеры так же стремительно, как они только что атаковали, разом развернулись и понеслись вспять. И вновь это стало полной неожиданностью для персов. Их огромный, но плохо спланный и разноязыкий флот не был способен к столь быстрым маневрам. Когда же отрядные начальники наконец навели порядок и выстроили свои отряды, греки были уже далеко, и преследовать их было совершенно бессмысленно.

Результаты боя были блестящими! Эллины захватили три десятка боевых кораблей и пленили даже одного из персидских царьков Филаона. Среди греческих моряков особо отличился афинянин Ликомед, который первым из всех овладел персидским кораблем. Фемистокл лично одарил его наградами за доблесть. Он же добился и того, чтобы перешедший на греческую сторону лемносец Антидор был тут же при всех объявлен афинским гражданином и получил участок земли. Этот участок уже после завершения войны ему выделяют на острове Саламин.

По завершении боя греки вернулись к Артемисию, персы повернули к Афетам. В стратегическом плане после боя вроде бы ничего существенно не изменилось. Зато психологически победа дала грекам самое главное – уверенность в своих силах. Почувствовав сладкий вкус победы, эллины уже никогда от него не откажутся. Кроме этого, на подходе к Артемисию греков ждала радостная новость. К ним наконец-то подошли все основные морские силы, собранные в Аттике: четыре с половиной сотни боевых триер. На греческом флоте пили вино и распевали боевые гимны.

Погода в то далекое и памятное лето была на редкость жаркая. По ночам же, наоборот, все время вовсю хлестали короткие, но обильные дожди, словно компенсируя дневную духоту. В ночь же, последовавшую за морским сражением, разразился настоящий ливень с молнией и громом. Под этот ливень и попал передовой отряд, который должен был по персидскому замыслу пройти в тыл грекам и атаковать их в спину. Очередное ненастье застало персов у еврейских утесов в проливе Еврипа. Корабли, гонимые ветром, один за другим выбрасывало на прибрежные камни. Понесся ощутимые потери и не выполнив поставленной задачи, передовой отряд повернул вспять. Хорошо задуманное, но прескверно исполненное предприятие не принесло персам ничего, кроме новых потерь.

А еще через день тела павших в бою прибило к главным силам персидского флота. Персам приходилось крючьями вытаскивать многочисленные трупы из воды, так как те мешали работе весел, набиваясь десятками между ними. Среди покойников многие находили родственников и друзей. Все это действовало удручающе. Вновь начались разговоры о плохих знамениях и несчастьях, преследовавших флот: о шторме и массовых крушениях у Пелия, о неудачном сражении и о последнем страшном ливне и неудаче передовой отряда.

Однако персам надо было что-то предпринимать. Узнав о бездарно проигранном бое, Ксеркс, вне всякого сомнения, начал бы искать и казнить виновных. Ему крайне необходим был новый генеральный бой, причем бой победный. А потому на третий день персы, не дожидаясь новой атаки греков, сами двинулись вперед.

Эти события совпали по времени с событиями при Фермопилах. Там, теряя в бесплодных атаках тысячи и тысячи своих воинов, Ксеркс пытался любой ценой прорваться через узкое прибрежное дефиле. Но все было напрасно. Греки стояли насмерть. Тогда был найден предатель малиец Эпиальт, который козими тропами вывел отряд «бессмертных» полководца Гидарна в тыл грекам. Видя, что все кончено, Леонид приказал всем бывшим при нем грекам уходить, а сам остался со своими тремя сотнями спартанцев на старом рубеже, где и принял геройскую смерть.

Греческий флот в это время встречал неприятеля у Артемисия. На триерах царило полное спокойствие и уверенность. Выстроившись по ходу движения в широкую дугу, персы начали медленно окружать эллинов. С учетом понесенных персами потерь и подошедших к грекам резервов силы противников были примерно равными.

«Леонид в Фермопилах» Художник Ж.-Л. Давид. (1814)

И вновь, как уже не раз с начала похода, персов подвела чрезвычайно низкая морская выучка и полное отсутствие сплыванности между отдельными отрядами. Пытаясь держать строй, их корабли то и дело сбивались в кучи, а потом, ломая весла, тратили немало времени, чтобы расцепиться и разойтись. Однако все торопились вперед, подгоняемые не только и не столько жадной славой и подвига, сколько страхом наказания.

Схватка была на редкость жестокой и упорной. Греки, воодушевленные предыдущим успехом, соревновались друг перед другом в храбрости. Персы, озлобленные чередой преследующих их неудач, жаждали реванша любой ценой.

Среди греков отличился в тот день Клиний, сын Алкивиада, сражавшийся на корабле, построенном на собственные средства. Он забрался в самую гущу неприятельского флота и, умело уклоняясь от таранных атак персов, сам продырявил борта нескольких подвернувшихся ему кораблей.

У персов лучшими были египтяне, выгодно отличавшиеся на фоне всего разноплеменного сорища своей высокой дисциплиной и морским мастерством. Именно египтяне в один из моментов боя едва не разорвали боевые порядки греков, нанеся им большие потери. Именно египтяне окружили и захватили пять греческих триер.

Этот бой у Артемисия дался грекам чрезвычайно тяжело. По существу он завершился боевой ничьей, противники дрались до позднего вечера, а затем разошлись на старые позиции. Но потери эллинов были на сей раз очень значительны. Персы явно начинали приобретать необходимый боевой опыт. Действия их флота с каждым днем становились все более и более боеспособными.

Погибших афинян Фемистокл велел свезти на Эвбию и с почестями сжечь их тела подле храма Артемиды. На одной из поставленных у храма стел начертали возвышенные элегические строки:

*Всяких людей племена из далеких пределов азийских
Славных афинян сыны некогда в битве морской*

*Здесь усмирили, а после гибели полчищ мидийских
Знаки воздвигли со дщери Латоны святой.*

Помимо большой потери в людях, почти половина союзного флота после боя едва держалась на воде. Было совершенно очевидно, что персы от сражения к сражению также стали набираться опыта и умения. Продолжение битвы за море не обещало быть легким. Она, по существу, еще только начиналась по-настоящему.

Вторым боем за Артемисий Фемистокл был удручен. Персы, к его огорчению, оказались весьма сильны и, кажется, уже начали оправляться от начальных неудач. Надо было срочно что-то предпринимать, но что? Обратимся к Геродоту. Он пишет. «Размышляя над происходящим, Фемистокл понял, что, если привлечь на свою сторону ионийцев и карийцев, варваров можно легко одолеть. Фемистокл собрал эллинских военачальников и объявил им, что у него есть средство, с помощью которого он собирается переманить доблестнейших союзников царя на свою сторону... все выполняли распоряжение Фемистокла...»

По существу афинский флотоводец вновь сосредоточил в своих руках фактическое руководство флотом. И хотя номинальное командование по-прежнему находилось в руках безынициативного и нерешительного Еврибиада, реально всем опять руководил неутомимый Фемистокл.

А вот оценка событий у Артемисия в устах биографа Фемистокла Плутарха: «Происшедшие тогда у пролива бои с персидским флотом большого влияния на общее положение дела не оказали, но в отношении боевого опыта были очень полезны для эллинов, на деле, среди опасностей убедившихся, что ни многочисленность судов, ни блестящие украшения их многочисленных знаков, ни хвастливые крики или боевые персидские гимны не представляют ничего страшного для мужей, умеющих схватиться с врагом и отважившихся идти в бой. Следует лишь, пренебрегши всей этой видимостью, подходить вплотную к врагам и биться с ними грудь с грудью».

А древнегреческий поэт Пидар воспевает героиню этих первых морских боев с персами:

*Здесь афинян сыны заложили краеугольный
Камень свободы своей....
Ибо отвага – начало победы...*

В это время до флота доходит и известие об итогах трагических событий у Фермопил. Теперь с проникновением войска Ксеркса нахождение греческого флота у Артемисия теряло всякий смысл. Надо было отходить на юг, прикрывая берега, к которым уже спешили вырвавшиеся на просторы Аттики персы. По предложению Фемистокла решено было перерезать весь находившийся на Эвбее скот, чтобы он не достался персам. По началу местные жители были против, но Фемистокл съехал на берег и в длинной пламенной речи убедил их, что гораздо лучше отдать мясо своим, чем придут чужие и заберут все силой. По существу, эта была испытанная впоследствии временем и множеством войн тактика выжженной земли, которую и начал с успехом применять против персов афинский стратиг.

Отходил греческий флот в полном порядке и боеготовности. В авангарде – каринфяне, прикрывал отходящих отборный отряд афинских триер.

Сам Фемистокл же тем временем занялся исполнением своего замысла. Отобрав несколько наиболее быстроходных афинских триер, он направился с ними вдоль берега, оставаясь в местах, где, по его разумению, неприятельский флот мог пополнять запасы пресной воды. Там по его приказу на прибрежных скалах высекались видимые издали надписи: «Ионяне! Вы поступаете несправедливо, воюя со своими предками, помогая варварам поработить Элладу. Переходите скорее на нашу сторону! Если это невозможно, то, по крайней мере,

хоть сами не сражайтесь против нас и упростите карийцев поступать так же. Если вы не можете сделать ни того, ни другого, если вы скованы тяжелой цепью принуждения и не в силах ее порвать, то сражайтесь с нами, трусы, когда дело дойдет до битвы. Но не забывайте, что из-за вас пошли у нас раздоры с персидским царем».

Глядя, как усердно долбят камни мобилизованные для этой не простой работы воины, своим помощникам умный Фемистокл говорил:

– Если нам не удастся переманить на свою сторону ионийцев, то, по крайней мере, мы наверняка убедим Ксеркса в их неверности, а там что Зевс даст!

Персы некоторое время ждали новой атаки греков, но к ним прибыл на лодке лазутчик и сообщил приятную новость: греки покинули Артемисий. Персы, поначалу, даже не поверили сообщению, столь велики были впечатления о недавней яростной схватке и решимости противника. Лазутчик был даже взят под стражу. Но отправленный в разведку небольшой отряд вскоре привез подтверждение: греки ушли!

Утром следующего дня персы снялись с якоря и двинулись вперед. Проходя мыс Артемисий, отнявший у них столько сил и жизней, они приносили жертвы пленниками и читали молитвы своим богам. Когда же с кораблей отправились лодки с амфорами к устьям прибрежных речушек, стал приводиться в жизнь и план Фемистокла. Ионийцы и картийцы, да и не только они, читали эмоциональное послание афинского флотоводца и начинали задумываться над страшной сутью происходящего. Теперь на ионийских кораблях кипели настоящие страсти: все обсуждали случившееся, послание Фемистокла и свою роль в происходящей братоубийственной войне. По-своему отреагировали на все это и персы. С бортов их кораблей с тревогой и опаской они взирали теперь на отряды своих союзников. При постановке на якорь персы старались как бы ненароком, но окружать ионийцев, а заодно и карийцев тесным кольцом верных кораблей, боясь не только внезапного бегства, но уже и внезапного нападения. Да и за пополнением запасов воды их старались теперь под разными предлогами не пускать, лишая возможности читать новые и новые воззвания Фемистокла. Семена сомнения и раздора, брошенные флотоводцем, начали давать всходы, может быть даже гораздо быстрее, чем этого ожидал и он сам.

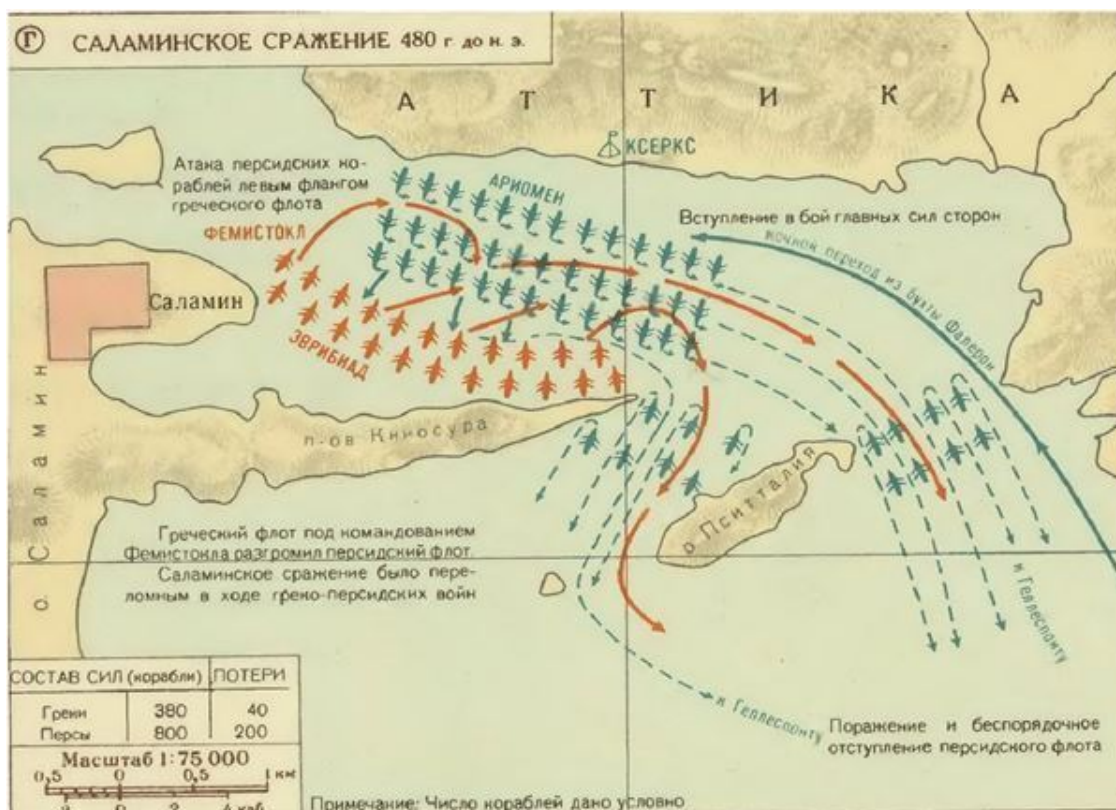
По ходу плавания персидский флот вскоре достиг Гистиеи, где изрядно оголодавшие из-за действий Фемистокла толпы персов как саранча быстро опустошили все прибрежные селения и захватили ряд приморских городков.

Некоторая часть кораблей была задействована для перевозки на экскурсию к Фермопилам тех моряков, кто пожелал поглядеть на груды убитых греков. Соответственно перед этим еще большие груды мертвых персов были закопаны. В желающих поглядеть на мертвых спартанцев отбоя не было. Таким образом, Ксеркс решил укрепить моральный дух своего флота. И это ему удалось. Теперь на флоте царило совершенно иное настроение, и ходили совершенно иные разговоры.

– Пора б и нам добраться до греческого золота, а то сухопутные все заграбастают себе! – говорили одни.

– Нечего прохлаждаться на якорях! Пора идти вперед, добить наглецов и пожить в Афинах! – поддерживали их вторые.

– Да! – мечтательно закатывали кверху глаза третьи. – Там есть чем пожить!

Саламинское сражение

Тем временем эллинский флот, покинув мыс Артемисия, перешел к острову Саламин. На стоянке у острова настоял Фемистокл и другие афиняне, которые хотели успеть забрать свои семьи и перевезти их в более безопасное место из Аттики. Едва триеры бросили свои камни на дно, морские стратеги съехали на берег узнать последние новости. Новости были неутешительные. Персидские полчища уже растеклись по всей Аттике и быстро продвигались к Афинам. Пелопоннеское ополчение, которое совет триерархов предполагал увидеть в Беотии, там так и не появилось. Пелопоннесцы укрепляли проходы на собственный полуостров, особенно не заботясь о судьбе остальной Греции. В Афинах царил уныние и растерянность. Нужен был лидер, который бы мог что-то предпринять, и таковым конечно же стал Фемистокл. Вначале наварх попытался внять голосу разума своих сограждан, но афиняне не торопились покидать дома и бросать все на разграбление, наивно полагая, что все, может быть, как-то обойдется само собой. И тогда, согласно Плутарху, произошло нечто из ряда вон выходящее: «Тогда Фемистокл, будучи не в силах сдвинуть с места толпу человеческими доводами, решил явить ей, как это делается с помощью театральной машины в трагедии, знамения божеств и прорицания. В качестве знамения использовал он случай со священной змеей, исчезнувшей, кажется, в те дни из святилища. Жрецы, найдя нетронутым отборный корм, который ежедневно клали перед змеей, объявили, по наущению Фемистокла, народу, что богиня покинула город и зовет за собой афинян к морю. И еще раз воздействовал он на народ изречением оракула, толкуя его так, что слова „деревянные стены“ ничего другого не означают, как только корабли, а бог потому-то и назвал Саламин божественным, а не несчастным или страшным, что имя это дано ему будет в память великой удачи эллинов».

Судя по всему, Фемистокл не только использовал «исчезновение» змеи. Он сам вместе с преданными жрецами все и подстроил. Разоблачения он не боялся, всем было уже не до того. Как бы там ни было, но афинский наварх своего добился. Жители начали покидать Афины. Все мужчины от мала до велика были направлены на триеры. Женщины и дети на торговых судах

были частью увезены в город Трезену, частью перебрались на Саламин. Остатки городской казны были розданы командам афинского флота. На каждого пришлось по восемь драхм.

Пока союзная часть флота стояла у Саламина в томительном бездействии, афиняне усиленно вывозили своих жен и детей. На Саламине решили остаться самые смелые, уверенные в том, что флот их всегда защитит. Постепенно к Саламину подтянулось еще несколько десятков триер с самых дальних греческих областей. Спартанцы прислали свои последние шестнадцать кораблей, постольку же коринфяне и сикионцы, десять – эпидаврийцы, пять – трезанцы и три – гермионяне. Афинские морские силы составляли сто восемьдесят готовых к бою триер.

Геродот пишет: «Когда защитники Эллады собрались у Саламина, их военачальники устроили совещание. По предложению Еврибиада каждый желающий сказал, где, по его мнению, следует дать морское сражение. Аттика была брошена на произвол судьбы, речь шла об остальной Элладе. Предложения большинства ораторов сводились к одному: плыть к Истму и защищать Пелопоннес. Они считали, что в случае поражения в битве при Саламине они будут заперты на острове, не имея надежды на спасение, с Истма же они всегда смогут вернуться в свои города».

А войска Ксеркса, уже пройдя огнем и мечом Беотию, Феспию и Платеи, захватили обезлюдившие Афины. Остававшиеся еще в городе засели на холме Акрополя и отбивались от непрерывных атак. Одна из них завершилась успехом, и защитники были все до одного уничтожены.

Известие о захвате Афин вызвало в греческом флоте настоящий шок. Сразу начался полный разброд и даже бегство. Часть союзных триерархов, забыв обо всем, побежали на свои корабли и, поставив паруса, отплыли в разные стороны. Оставшиеся кричали о том, что пора уходить к Истму и драться там. С наступлением ночи большая часть ушедших в панике кораблей вернулась обратно.

Когда удрученный происходящим Фемистокл вернулся на флагманскую триеру, ее тетрарх Мнесифил поинтересовался:

– Какое решение принял совет навархов и к чему нам быть готовыми, Фемистокл?

Флотоводец безнадежно махнул рукой:

– Будем уходить к Истму!

Мнесифил в ярости топнул ногой:

– Если эллины покинут Саламин, то на море тебе уже не придется сражаться за родину. Все будет погублено навсегда, потому что каждый вернется в свой город и не Еврибад, ни ты уже никогда не соберете весь наш флот вместе. Ваша глупость погубит Элладу! Фемистокл! Попытайся еще раз убедить этих слепцов. Даже если уйдут трусы, нам с Еврибадом надо оставаться здесь, чтобы победить или умереть!

– Ты считаешь, что следует попробовать еще раз? – с сомнением посмотрел на своего кормчего Фемистокл.

– Да! – ответил тот с металлом в голосе. – Я считаю именно так!

Ничего не ответив, Фемистокл нервно запахнулся в тогу и решительно направился на триеру к Еврибаду.

Оба предводителя говорили долго. Убедить спартанца, чья земля еще не попала под пяту захватчиков, было нелегко. Еврибад был далеко не Леонид. В порыве спора он даже замахнулся на Фемистокла палкой.

– Ударь, но в начале выслушай! – сказал ему тот смиренно.

Изумленный такой небывалой кротостью гордого Фемистокла, Еврибад несколько сник и согласился на сбор совета союзных навархов. Никого убедить на совете Фемистокл более не собирался. Времени для этого уже не было. Зато он намеревался всех испугать, да так, чтобы мало не показалось.

Едва съехали предводители союзных отрядов, Фемистокл, не дав никому вымолвить и слова, принялся твердо говорить о необходимости сражения у Саламина. Вновь начались ожесточенные споры. Еврибиад, как всегда бывало с ним в подобных случаях, сразу сник и, спрятав голову в плечи, сидел тише всех.

Коринфский наварх Адимант прервал страстную речь афинского стратега:

– Фемистокл, ведь ты знаешь, что на состязаниях тех, кто выбегает раньше условленного сигнала, больно бьют палкой!

– Согласен, – кивнул головой Фемистокл. – Но зато тот, кто остается позади никогда не получит не только палки, но и лаврового венка!

Не давая триерархам прийти в себя, он продолжал свою страстную речь, теперь уже обращаясь к молчаливо сидевшему Еврибиаду:

– В твоих руках спасение Эллады! Послушайся голоса сердца и дай сражение у Саламина! Уходя к Истму, мы сами приведем за собой персов в Пелопоннес! Победу у Саламина нам предвещал и оракул! Послушаемся же предсказания и не будем искушать судьбы своего Отечества!

И снова речь Фемистокла прервал Адимант:

– Тому, кто не имеет родины, следовало бы помолчать! У тебя нет больше Отечества, там хозяйничают персы!

– Негодяй! – закричал на него пришедший в ярость афинянин. – Да, мы покинули свои жилища, считая недостойным стать рабами. Но город у нас все же есть! Это самый величайший из всех эллинских городов – наши двести боевых триер. Они стоят здесь и готовы помочь вам спастись, если вы сами того захотите! Если же вы уйдете и предадите нас, то кое-кто скоро из вас узнает, что такое персидский плен, а мы найдем себе новые земли, и не хуже тех, что потеряли!

Адимант снова попытался что-то возразить, но был перебит Фемистоклом.

– Запомни, – сказал ему афинянин. – То, что Коринф никогда не сравнится с Афинами – это факт, но и без наших двух сотен триер вы тоже ничего не сможете противопоставить персам и будете все уничтожены!

Попытался подать голос и кто-то из эретрийцев. Этого Фемистокл не стал даже слушать:

– И вы туда же, беретесь судить о войне, когда у вас, как у рыб-невфид, мечи есть, но мозги отсутствуют напрочь!

Затем Фемистокл обернулся к Еврибиаду:

– Или ты остаешься драться со мной здесь или я грузу на свои боевые и торговые суда всех афинских жителей и уйду с ними в свою колонию – италийский Сирус. Вы же оставайтесь здесь и сами отбивайтесь от персов! Я жду немедленного ответа!

Испуганный Еврибиад вскочил с места и закричал:

– Я согласен! Я остаюсь с тобой!

За Еврибиадом заявили о своей готовности остаться и остальные триерархи. Последним, с явным неудовольствием, дал свое согласие Адимант.

Плутарх пишет, что совет навархов проходил на флагманской триере спартанцев. Внезапно со стороны берега к кораблю подлетела сова и уселась на мачте. Сова всегда была священной птицей Афин, а потому уже разъезжавшиеся навархи усмотрели в ее прилете добрый знак. Как знать, не был ли и внезапный прилет совы так же заранее предусмотрительным Фемистоклом?

Как бы то ни было, но союзный флот начал подготовку к генеральному морскому сражению за Элладу. На следующий день было землетрясение, которое греки также посчитали хорошим предзнаменованием.

– Сами недра гневаются на захватчиков, посягнувших на наш край! – говорили они друг другу. – А это значит, что земля, море и небо будут в предстоящем бою на нашей стороне!

Узнав о решении стратигов принять бой у Саломина, бывшие на острове афиняне устроили ежегодный праздник в честь богинь Деметры и Персефоны.

Тем временем персидский флот, разграбив Гистиайи, двинулся вслед за греками к Саламину. Несколько поредевшие ряды моряков Ксеркса были пополнены воинами вновь прибывших к нему племен: малийцами и дорийцами, лакраами и беотийцами, феспийцами и платейцами, каристийцами, андросцами и теносцами.

К Афинам огромная персидская армада прибыла без отряда паросских кораблей. Паросцы были оставлены у Кинфа ожидать исхода боя в резерве. Впрочем, в составе главных сил и без них было так много кораблей, что в резерве не очень-то и нуждались. По крайней мере, Ксерксу и его вельможам представлялось именно так.

Когда главные силы бросили свои якоря в Фалере, неподалеку от Саламина, сам царь спустился на побережье и, собрав кормчих кораблей, вместе с ними обсудил сложившуюся ситуацию.

– Что будем делать? – спросил он кормчих.

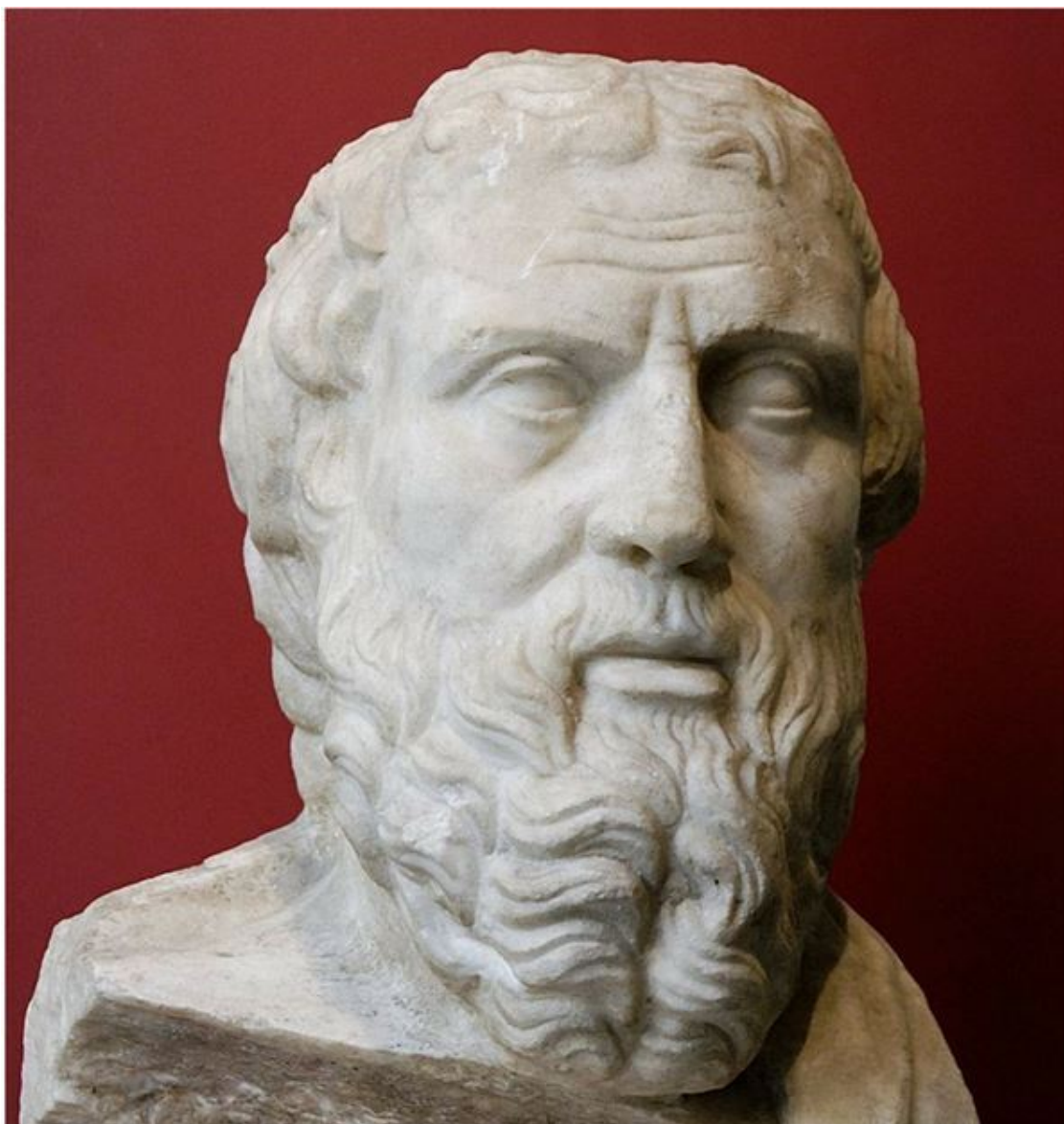
– Атаковать и уничтожить! – отвечали те дружно.

Тогда Ксеркс каждому из них указал его место в строю и поставил конкретную задачу. Эта нелегкая процедура заняла несколько часов. После этого, изрядно уставши, Ксеркс поднялся на холм Геракла, что расположен на берегу в самой узкой части пролива отделяющего Саламин от материка, и, усевшись в походный золотой трон, собрал вокруг себя военачальников и вождей подвластных племен. Поодаль встали многочисленные писцы, которым надлежало записывать все исторические фразы царя царей и подробности победоносного сражения.

– Все приказания на бой отданы! – сказал вельможам Ксеркс. – Теперь нам остается лишь смотреть и радоваться!

Рядом с царем сел на своем более скромном троне царь Сидона, далее царь Тира, а за ними остальные менее значимые. Когда вся венценосная публика расселась, Ксеркс послал своего любимца Мардония узнать у них, следует давать сражение у Саламина или не стоит. Все до одного высказались за генеральный бой. Против была лишь гордая и своенравная царица Артемисия.

Ответ ее Ксерксу был воспроизведен Геродотом, и лучше всего послушать его именно в изложении древнего историка: «В битве при Евбее я не была трусливее прочих и это дает мне право сказать открыто то, о чем я думаю. Царь! Щади свои корабли и не вступай в битву, эти люди настолько сильнее твоих людей, насколько мужчины сильнее женщин.

Геродот

Зачем тебе вообще начинать опасную битву? Разве Афины не в твоей власти? Разве ты не владыка остальной Эллады? Никто не стоит на твоём пути. Те, кто восстал против тебя, получили по заслугам. Не начинай поспешно морское сражение, стой здесь, продвигайся в Пелопоннес – тогда ты осуществишь задуманное. Эллины не в состоянии сопротивляться тебе долгое время. Ты рассеешь их силы, и они разбегутся по своим городам. Ведь у них на этом острове, как я слышала, нет продовольствия. Люди с Пелопоннеса не останутся здесь, они даже не подумают сражаться за Аттику, если ты отправишься в их земли. Поражение же в бою может привести к гибели всего войска. Запомни, царь, ещё вот что: у хороших господ обычно бывают плохие слуги. Ты самый благородный властелин на свете, а твои союзники – эти египтяне, киприоты, киликийцы, памфилы – плохи, пользы от них никакой».

Речь своенравной царицы вызвала настоящий шок у присутствовавших. Никто никогда не смел говорить правителю Персии ничего подобного. Вельможи замерли, ожидая неизбежного. Однако, вопреки своему обыкновению, Ксеркс даже не обиделся.

– Артемисия! – сказал он грустно, обратившись к ней. – Все, что ты мне сказала, я прекрасно понимаю и сам! Но рок событий следует по своему предначертанному свыше пути, и никому не дано ничего изменить! Да, мой флот проиграл сражение при Евбее, но только

лишь потому, что я не присутствовал при этом. Теперь же я намерен лично созерцать с берега истребление греков! Благодарю тебя за смелость и правду, но поступать буду так, как подскажет мне мой разум и боги!

Затем Ксеркс повернулся к столпившимся поодаль:

– Все вы до одного высказались за битву. Значит, битва будет! А потому разъезжайтесь по своим отрядам. И помните, что от исхода нового столкновения будет зависеть вся судьба нашего похода!

В тот же день персидский флот выбрал якоря и взял курс к Саламину. На траверзе Пирея корабли начали выстраиваться в боевые порядки. Начальники отрядов торопились, надвигалась ночь, и все хотели успеть с построением до темноты, чтобы с восходом солнца уже начать атаку на неприятеля. А потому все делалось суетливо, с шумом и гамом.

Разумеется, что появление персов не осталось без внимания греков. А шум, доносившийся со стороны их флота, говорил только об одном: враг готовится к решающей битве. Особенно заволновались пелопонесцы. Снова начались притихшие, было, разговоры, что не следует защищать афинскую землю и пасть здесь без всякой пользы, а куда лучше уйти, пока не поздно, на защиту собственных городов. Спартанцы и аркадцы, элейцы и коринфяне, сикионцы и эпидаврийцы, флоунты и трезенцы – все как один поносили Еврибиада за его безрассудство и глупость. Между желавшими остаться у Саламина афинянами, эгинцами, мегарцами и остальными дело доходило едва ли не до драки.

В беспокойстве говоривших о немедленном уходе была большая доля истины: именно в этот вечер конные авангарды Ксеркса уже двинулись в Пелопоннес. Со всего полуострова торопливо двигались к проходу у Истма и отряды греков. Здесь предстоял бой за обладание последней частью еще не захваченной материковой Эллады. Возглавить сражение со стороны греков поручили младшему брату погибшего Леонида Клеомброту. На помощь флота никто особо не надеялся.

В это время на стоящие у Саламина корабли доставили сообщение знаменитого прорицателя Бакида. Прорицатель предрекал, что скоро медь будет сходиться с медью. Бог войны Арес кровью окрасит морскую пучину, а богиня Ника принесет свободу Элладе. Однако боязнь пелопонесцев за свои дома была столь велика, что они проигнорировали даже послание почтенного Бакида.

Затем к Фемистоклу привезли трех пленников в одежде, украшенной золотом. То были сыновья сестры Ксеркса, угодившие по досадной оплошности в руки греков. Бывший тут же прорицатель Евфрантид схватил Фемистокла за руку и велел принести всех троих в жертву богу Дионису, который поможет одержать победу. Фемистокл, как говорит Плутарх, был потрясен столь великим и ужасным прорицанием и пытался, было, воспротивиться казни, но толпа, схватив пленников, уже потащила их к жертвеннику, где и заколола.

Когда Фемистокл с ужасом для себя понял, как накалены страсти и что, несмотря на казавшееся якобы решение вопроса с начальниками, теперь могут стихийно увести корабли и сами рядовые воины, он сразу приуныл. Кроме всего прочего, Фемистокл не без оснований с большим сомнением всегда относился к смелости и боевитости коринфян с их трусоватым предводителем Адимантом. Внушали опасения и множась слухи о все большем расположении к персам эгинян и их вождя Поликрита. Эгинскому наварху Фемистокл высказал свои сомнения в его преданности эллинскому делу прямо в глаза, чем вызвал грубые слова в свой адрес. Поликрит заявил, что чувствует себя оскорбленным и докажет Фемистоклу на деле, что тот был неправ. Но общая обстановка все же оставалась очень тревожной и нервной.

Фемистоклу необходимо было предпринимать что-то координальное и делать это как можно быстрее. Кроме него переломить ситуацию уже не мог никто. И Фемистокл стал действовать так, как умел это делать только он: быстро, смело и дерзко. Чего-чего, а решимости афинскому наварху было не занимать.

Фемистокл незаметно покинул сборище споривших и ругавшихся. Вызвал к себе слугу. То был старый и образованный раб Сикинн, много лет проживший в доме Фемистокла и бывший учителем его детей. Ему-то и поручил афинский стратиг срочное и секретное задание. Под покровом ночи Сикинн незаметно отправился на лодке в опасное путешествие к персидскому флоту. Видимо, его в ту ночь хранили боги, и Сикинн добрался до персов благополучно. Когда его представили персидским начальникам, Сикинн передал им слова Фемистокла:

– Я посланец вождя афинян. Фемистокл хочет, чтобы вы знали: он сочувствует вам и тайно желает вашей победы. Мой хозяин просил передать, что сейчас у вас появилась прекрасная возможность разгромить греков. В стане эллинов полный разброд, там нет никакого единства. Поэтому, не теряя времени, нападайте и увидите, что те, кто вам сочувствует, будут драться не против вас, а за вас!

– Чем докажешь, что ты послан именно Фемистоклом? – спросил раба Ариабигн.

В ответ тот показал фамильный перстень своего хозяина. Персы долго разглядывали перстень.

– Я верю тебе! Ты тот, за кого себя выдаешь! – сказал Ариабигн наконец.

Слова раба были подтверждены и сообщением лазутчиков. Теперь у персов сомнений не оставалось. Надо было атаковать, и чем скорее, тем лучше! С наступлением темноты Ариабигн начал последние приготовления к битве. Основные силы стали в боевые порядки, перегородив пролив от Саламина до Пирея. В то же время часть флота, обойдя Саламин, отрезала грекам путь ко всякому отступлению. Множество персов высадилось на маленький каменистый островок Пситталия, лежащий между Саламином и материком. Они должны были спасать своих и добывать чужих из числа тех, чьи корабли погибли и кому посчастливится добраться туда.

Всю передислокацию Ариабигн произвел столь умело и быстро, что греки ничего не успели заметить. Персы уже давным-давно заняли новую позицию, а эллины все еще пребывали в полном неведении относительно их намерений.

В этот весьма опасный момент к греческому флоту прибыл афинянин Аристид. Тот самый некогда высланный из города непримиримый враг Фемистокла. Несмотря на все выпавшие на его долю испытания, Аристид остался таким же честным и прямым человеком, каким и был раньше. Первым делом Аристид явился на совет триерархов и попросил вызвать к нему своего злейшего врага Фемистокла. Когда тот вышел и два старых врага остались наедине, Аристид подал Фемистоклу руку:

– Ты знаешь мое отношение к тебе, а я знаю твое к себе, но сейчас не то время, чтобы выяснять старые отношения! Я только что приплыл с Эгины и едва сумел пробраться между стоящих в проливе персидских кораблей. Мы полностью окружены, и уйти из западни, куда попал наш флот, уже невозможно!

Фемистокл крепко пожал руку своему бывшему недругу:

– Спасибо тебе, благородный Аристид, за хорошую весть. Теперь и коринфяне с прочими пелопонесцами, и сам Еврибиад оставляют все свои мысли о бегстве. Теперь у нас нет иного выхода, как принять решающий бой! Пойдем на совет, и ты там сам все расскажешь!

Зайдя в шатер, где собравшиеся представители полисов все еще продолжали свои бесконечные споры о том, что следует делать дальше, Аристид сообщил им ошеломляющую весть. Известие Аристида вызвало настоящий шок. Сразу же нашлись те, кто обвинил афинянина в преднамеренном обмане. Брань и препирательства разгорелись с новой силой. Аристид покинул этот гудящий улей.

– Они все сошли с ума! – в бессилии сказал он Фемистоклу. – Я отказываюсь вообще что-либо понимать!

– Теперь ты видишь, с кем и как здесь приходится сражаться! – мрачно усмехнулся Фемистокл. – И еще вопрос, кто более страшный враг, персы или свои!

Но грекам опять повезло. В это самое время к союзному флоту пробилась триера с теноскими перебежчиками во главе с Пантием, сыном Сосемена. Пантий полностью подтвердил все сказанное Аристидом. Теперь уже самым неверующим пришлось признать факт полного окружения и необходимости битвы у Саламина. Все разъехались по своим отрядам и начали лихорадочно готовиться к неминуемому сражению.

С восходом солнца Фемистокл обошел на лодке корабли, выступив перед всем флотом. Речь его была до предела лаконичной:

– Человеческая природа такова, что порою благородные порывы соседствуют с низменными страстями. Однако в жизни каждого наступает момент, когда надо и должно руководствоваться только благородным порывом. Именно такой момент настал ныне! Греция надеется на каждого из своих сыновей! Я сам пойду на передовой триере, и пусть каждый из вас явит собой сегодня пример храбрости и самопожертвования! У нас нет выбора. Мы должны победить или умереть!

Речь Фемистокла заглушали приветственные восторженные крики. Подъем духа был велик, и все клялись друг перед другом не отступить перед лицом смерти. Над флагманской триерой был поднят красный плащ Фемистокла. Считается, что это был первый в истории всех военных флотов боевой сигнал.

Затем по сигналу трубы разом опустились в воду весла и сотни триер, держа равнение и постепенно, от гребка к гребку, набирая ход, двинулись навстречу персидской армаде.

Афинский наварх, казалось, предусмотрел все, что только было в его положении возможно. Очень удачно Фемистокл выбрал не только место, где в узости огромный персидский флот просто не мог развернуться во всю мощь. Кроме этого продуманно он определил и время сражения, когда со стороны моря начинает дуть свежий ветер, нагоняющий в пролив волну. Этот ветер почти не мешал низкосидящим кораблям эллинов, зато был весьма неприятен тяжелым на ходу и высокобортным персидским, которых сильно кренил и затруднял маневрирование.

Вид бесчисленного персидского флота, перекрывшего собой весь пролив, был более чем впечатляющ. Казалось, что частоколом мачт персы заполнили все море до самого горизонта. А толпы толпившихся на палубах воинов создавали впечатление о невозможности их одоления. В какой-то момент пыл союзников стал снова убывать. Триеры постепенно замедляли ход. Тетрархи явно пытались оттянуть страшный момент начала схватки. Именно в эти минуты в смертельном страхе повернул назад военачальник коринфян Адимант, тот самый, который совсем недавно столь яростно обличал Фемистокла. За ним, воздев паруса, устремились и все коринфские корабли. Эту вернуть уже не успели.

На ряде пелопоннесских кораблей уже стали подумывать о том, что не лучше ли и им будет, пока не поздно, повернуть вспять по примеру коринфян. Момент был самый критический, ведь поверни вслед за коринфянами хотя бы еще один, за ним уже неминуемо повернут и все остальные. Персы, конечно же, воспользуются столь благоприятным моментом, и тогда все для греков будет кончено навсегда!

Нужен был кто-то, кто хотя бы ценой своей жизни переломил ситуацию и первым бросился на врага. И такой человек, к счастью, нашелся! Это был афинянин Аминий. Видя, что соседние с ним корабли начали замедлять свой бег, а некоторые и вовсе уже хотят менять курс, он, наоборот, велел своим гребцам приналечь на весла. Нарушив строй, триера Аминия вырвалась далеко вперед и дерзко бросилась на ближайший из персидских кораблей.

– Смотрите, как погибают настоящие мужчины! – кричал Аминий отставшим.

На полном ходу Аминий таранил форштевнем первого попавшегося ему по курсу перса. Кованный бронзой таран глубоко вошел в корпус неприятельского корабля. Набирая воду, тот резко накренился. Аминий попытался, было, гребя назад, высвободить свой таран, но это ему не удалось. Оба корабля застыли, сцепившись намертво. А на палубах обоих уже кипела отча-

янная рукопашная схватка. И персы, и греки, желая добиться первого успеха в начавшемся сражении, молча резались бронзовыми мечами, стараясь не поскользнуться на мокрой от крови палубе.

Пример Аминия воодушевил, и вот уже еще сразу десяток триер разом врезались во вражеские порядки, за ними еще и еще. Потрясая мечами и копьями, греки оглашали окрестные воды своим боевым кличем:

– Гера! Гер-ра! Гер-ра!

Прошло четверть часа, и бой превратился уже во всеобщую свалку.

Первым из эллинов, захватившим персидский корабль, был афинянин Ликомед. Отбив отличительные знаки с захваченного врага, он позднее посвятил их Апполону Дафнефору.

Позднее в Греции рассказывали легенду о некоем женском призраке, который якобы возник перед греческими воинами в минуту их робости со словами:

– Трусые! Доколе будете вы еще грести назад?

На долю афинян выпало сражаться с опытнейшими финикийцами, составлявшими западный фланг персидского флота. Спартанцы сошлись со своими соплеменниками ионянами, занимавшими позиции на юго-восточном фланге у Перея. Увы, но расчет Фемистокла на голос крови ионян почти не оправдался. В решающий момент почти все они остались на стороне Ксеркса. Лишь несколько триер в ходе боя перешли на сторону греков и, примкнув к спартанцам, сражались вместе с ними против своих же соотечественников. Остальные же ионийцы дрались столь ожесточенно, что, несмотря на все перипетии Саламинского боя, были впоследствии отмечены Ксерксом. Особенно отличились ионийский триерарх Феоместор, ставший за свершенные им подвиги при Саламине тираном Самоса, и его помощник Филак, внесенный за отличие в список «благодетелей» царя и пожалованный большими землями. И Феоместор, и Филак произвели настоящее опустошение в спартанских рядах, отправив на дно не одну триеру.

Сам Фемистокл дрался впереди афинского флота, тараня и топя попадавшие ему на пути персидские корабли. Над мачтой его триеры развевался огромный флаг с вещью совой – символом мудрости и вечности Афин. Стоя на носу своего корабля, под градом стрел в сдвинутом на затылок боевом шлеме с султаном, Фемистокл, размахивая мечом, кричал своим соотечественникам:

– Вперед, сыны Эллады! Вперед!

Позднее поэт Эсхил увековечит эти слова в своей поэме:

*...Вперед, сыны Эллады!
Спасайте родину, спасайте жен,
Детей своих, богов отцовских храмы,
Гробницы предков: бой теперь – за все!*

Рядом с флагманом афинского наварха вспарывали могучими клыками-таранами волны почти две сотни длинных и изящных афинских триер. Мерно и дружно вздымались ряды весел, разгоняя триеры в неукротимом беге. Начальники гребцов клевесты ободряли гребущих. Отрывистые трели флейтистов все убыстряли и убыстряли темп гребли. Стоящие на палубе воины, сжимая мечи и луки, готовились схватиться с приближающимся врагом. Над морем от триеры к триере, от отряда к отряду перекатами неслись единый гортанный крик:

– Гера! Гер-ра! Гер-ра!

Триера Фемистокла свалилась борт в борт с огромным кораблем одного из самых опытных флотоводцев Ксеркса – Ариамена. С высокобортного персидского корабля афинскую триеру буквально засыпали градом стрел и копий. Вероятно, что Фемистоклу пришлось бы не сладко, если бы не случайно оказавшиеся рядом триеры неутомимого Аминия и пелийца

Сосикла. Оба они, видя тяжелое положение Фемистокла, не сговариваясь, разом направили свои корабли на неприятеля. Таранного удара, однако, не получилось. Обе атаковавшие триеры и персидский корабль сцепились таранами. В рукопашной схватке Ариамен был пронзен мечом и упал в море. Персидский же корабль был взят на абордаж. Позднее на плавающее тело мертвого Ариамена случайно наткнулся корабль царицы Артемисии. Та опознала военачальника по одеждам, велела достать из воды и отправить Ксерксу.

Не сразу, а постепенно исподволь стал намечаться перелом ситуации в сторону греков. Персы давили числом, греки высочайшей дисциплиной и умелым маневрированием. Кроме этого начала сказываться и предусмотрительность Фемистокла с местом боя. Из-за узости пролива персы так и не смогли развернуть весь флот, и противники дрались друг против друга примерно в равном количестве, тогда как большая часть неприятельских сил пребывала в томительном бездействии, ожидая своей очереди вступить в бой. Была, впрочем, и еще одна немаловажная особенность. В персидском флоте каждый из кораблей был предоставлен сам себе, и ни у кого не возникало и мысли помочь попавшему в беду соседу. Прекрасно и продуманно выстроив свой флот перед началом боя, Ариамен в ходе самого сражения полностью утратил всякое управление и дрался с греками сам по себе на собственном корабле. Все действия персов по этой причине были, при всей их несомненной храбрости, очень хаотичны и совершенно не продуманны. Никто не знал, что и как ему следует предпринять. В отличие от этого, греческие триеры весьма тесно взаимодействовали в бою между собой. Стихийно объединяясь в небольшие тактические группы, они сообща наваливались то на один, то на другой неприятельский корабль и неизменно добивались успеха. Схватки были предельно яростными. Пленных не брала ни та, ни другая сторона. Часто схватившиеся в поединке враги вместе падали за борт и уходили на дно, так и не расцепив своих смертельных объятий. Волны пролива были щедро окрашены кровью.

Персы в тот день дрались до самозабвения храбро, тоже понимая всю важность момента. Кроме этого каждого из них подстегивал и страх: ведь наблюдавший за ходом боя с берега Ксеркс мог смотреть на каждого из них.

Сам Геродот, оставивший нам наиболее полное описание Саламинского сражения, признает, что «сказать точно, как дрался тот или иной воин, нельзя».

Персидские корабли, находившиеся в первой линии и принявшие на себя первый и самый мощный таранный удар греков, теряя весла и черпая пробитыми бортами воду, подались вспять. Находившиеся же за ними, наоборот, всеми силами стремились протиснуться вперед, чтобы, совершив подвиг, быть замеченными царем и получить вожделенный царский подарок. Теснота и сутолока быстро привела к тому, что напирющие столкнулись с отходящими. Все кричали, ругались и угрожали друг другу, однако никто ровным счетом не мог ничего сделать для исправления положения. Огромное и несуразное скопище беспомощных кораблей увеличивалось с каждой минутой, и грекам теперь оставалось только избивать их со всех сторон, что они успешно и делали. Это было уже, по существу, началом конца. Ближе к вечеру среди персов начала нарастать паника, и корабли их кинулись на всех веслах из пролива, тараня и топя в полнейшей неразберихе друг друга.

И снова обратимся к поэзии Эсхила. Вот его описание Саламинского боя:

*Сперва стояло твердо войско персов.
Когда же сгучились суда в проливе,
Дать помощи друг другу не могли,
И медными носами поражали
Своих же – все тогда они погибли,
А эллины искусно поражали
Кругом их... И тонули корабли,*

*И под обломками судов разбитых,
Под кровью мертвых – скрылась гладь морская...*

К удивлению и неожиданности для многих, наиболее эффективно отбивался от греков отряд царицы Артемисии. И снова предоставим слово Геродоту: «С Артемисией же приключилось вот какое событие. Когда царский флот уже пришел в великое расстройство, аттический корабль пустился в погоню за кораблем Артемисии. Корабли союзников шли впереди ее корабля и невольно мешали его отступлению. Тогда Артемисия стремительно бросилась на союзнический корабль калиндян, на котором плыл сам царь калиндян Дамасифим. Неизвестно, затаила ли Артемисия злобу против него еще на Геллеспонте, или это произошло случайно, но она потопила его корабль. Увидев это, командир аттического корабля принял ее корабль за эллинский, а может быть решил, что он перешел на сторону эллинов, поэтому прекратил преследование и направился к другим кораблям».

Так Артемисии удалось спастись и снискать еще большее расположение Ксеркса, который, наблюдая за ходом битвы, заметил ее нападающий корабль. Кто-то из его свиты отметил: «Артемисия потопила вражеский корабль».

Царь спросил, действительно ли это сделано Артемисией, приближенные подтвердили, потому что прекрасно знали отличительный знак ее корабля. Погибший корабль сочли вражеским. Артемисии сопутствовала удача во всем: с калиндийского корабля никто не спасся – обвинять ее было некому. Ксеркс, пораженный мужеством этой женщины, сказал: «Мужчины у меня превратились в женщин, а женщины стали мужчинами!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.